Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Дмитрий Петров: «У героев тоже есть родители»

30.04.2025.

Фото из архива Дмитрий Петрова

Мы познакомились с писателем Дмитрием Петровым в 2016 году, когда он приезжал в Женеву, чтобы вручить Русскому кружку Женевского университета оригинальный подарок – 12-томное собрание советского сатирического журнала «Крокодил», одним из составителей которого являлся. После своего выступления – а о том, каким интересным и веселым оно было, свидетельствует фотография – Дмитрий Павлович сам же и написал обо всем этом для Нашей Газеты. Совсем иной по настроению была наша встреча летом 2023-го. Дмитрий Павлович вручил мне тогда свою совсем свежую тогда книгу «Соло на судьбе с оркестром» об Анатолии Гладилине и поэтах и писателях-шестидесятниках. И рассказал о постигшем его и его жену несчастье: 19 апреля того года их единственный сын Дмитрий вместе с двумя товарищами пропал без вести под Бахмутом.

Дмитрий Петров-младший был историком, кандидатом наук, он защитил диссертацию на тему «Сакральная география восточных районов Архангельской области», потом работал в Институте Африки РАН РФ, выучил курдский язык – курманджи, стал автором-составителем нескольких книг о политической истории Ближнего Востока. О политической деятельности сына, увлекавшегося идеями анархизма, родители имели туманное представление. В последний раз они виделись в Киеве поздней осенью 2022 года. Эта встреча и дала название новой книге – «Родительский день».

Уже на первых страницах книги, при описании Города, возникают ассоциации с Булгаковым. Так было задумано или вышло случайно? А если не случайно, то что вы думаете об обвинениях Булгакова в украинофобии и попытках закрыть его дом-музей в Киеве?

Так было задумано. В «Днях Турбиных» и в «Белой гвардии» Булгаков пишет о семье Турбиных, которая оказывается в Городе – как он пишет, с большой буквы, имея в виду Киев – в ситуации исторического перелома, начала Гражданской войны, самой жестокой ее фазы. Он показывает жизнь этой семьи, которая намного многочисленнее моей, но которая навеяла эту аллюзию и напомнила встречу нашей семьи в Киеве в начале войны нынешней.

Почему? Потому что и в романе, и в пьесе Булгакова Турбины ведут бесконечные дискуссии, причем не только о текущей политической ситуации или о военных событиях, но и о любви, жизни, смерти, почти на философском уровне. То же самое пытались делать и мы. И в этом смысле аллюзия к Булгакову кажется мне оправданной.

Что касается второй части Вашего вопроса, то да, мне странны попытки закрыть очень любимый мною музей Булгакова. Надо учесть, что по произведениям Булгакова был снят в России сериал, который можно считать антиукраинским: эта нота доведена там до неоправданно высокого регистра, чем он мне очень не нравится. Но Булгаков-то здесь особо ни при чем. При этом описания им петлюровских войск далеки от симпатий, как, впрочем, и мнения о них огромного числа украинцев, особенно украинских евреев: на фоне борьбы за независимость петлюровцы натворили кучу жутких бед. Поэтому на месте украинских политиков и деятелей культуры я бы не спешил с закрытием дома-музея Булгакова.

Есть в Вашей книге такая необычная фраза: «В RuTube какая-то завитая зануда забубённая злобно зудела…». Надо ли понимать, что обилие «з» – это акцент на букву «z» и все, что с ней сейчас ассоциируется?

Да, это попытка аллитерации, не знаю, насколько она удалась.

Первая глава Вашей книги называется «Русский корабль». Все уже знают, что следует за этими словами и по какому адресу русский корабль посылается. Меня лично это коробит, а Вас? Дальше Вы рассказываете о своих волнениях насчет того, на каком языке сможете общаться в Украине, и о том, что волнения эти оказались напрасны. Как все это сочетается? Или не сочетается?

Тут несколько моментов. Я действительно опасался, что буду обращаться к людям в Украине по-русски, а они будут делать вид, что не знают такого языка. Опасения эти

были вызваны не политикой украинских властей, а той российской пропагандой, которую я изучаю. Если Вы помните, одна из главных претензий состояла в притеснении и вообще отмене в Украине русского языка в ущерб многочисленным проживающим там русскоязычным людям. Их действительно очень много, но мои страхи оказались совершенно необоснованными. Люди спокойно говорят по-русски, когда они не на рабочем месте и если это не государственные чиновники – тут есть регламент. То есть бытового отказа говорить по-русски мы не встречали.

Что касается «русского корабля» и мата, то, возможно, вы встретили ненормативную лексику в книге и дальше, при описании военных действий. Дело в том, что это солдатский язык, он таков. Но правда и то, что когда эта ставшая знаменитой фраза используется публично, то вместо известного слова ставят точки, а звук забивают гудком.

Совершенно понятно, что книга – о вашей семье, о вашем сыне, о вашей беде. Почему в таком случае Вы заменили имена?

Потому что это художественный текст, не все в нем описано так, как было. Кроме того, имя Мики не изменено, просто используется его позывной – Леший. Есть среди персонажей те, которые реально существуют, а есть вымышленные.

Берн. Настенная роспись в память о героях книги. Фото из архива Д. Петрова

Местами Ваш нарратив идет в ритме рэпа. Почему?

Меня всегда очень привлекала ритмическая проза как литературный стиль. Для того, чтобы, с одной стороны, облегчить чтение читателю, а с другой – чтобы сделать текст более динамичным, я и в предыдущих своих книгах использовал этот прием, которому научился у Василия Павловича Аксенова, ставившего перед собой такие же задачи. Мне важно показать ритм жизни через ритм текста.

В книге много рассказов об Израиле, как будто вы проводите параллель между Израилем и Украиной, особенно когда говорите о том, чему не учат на истфаке МГУ. Думаю, поймут такое сопоставление не все, а кто-то и осудит.

Я подробно описываю наши встречи с сыном. И не только в Израиле, а и, например, в Греции. Смысл в том, чтобы показать, что слова «наше Отечество – все человечество» – не просто когда-то кем-то придуманный лозунг. Это реально так: сегодня мы встречаемся в Израиле, завтра в Гельвеции, а послезавтра в Швеции. И это нормально. То, что главный герой, едва став израильтянином, возвращается в Курдинстан, с которым связана его работа, говорит о том, каков сейчас мир. Люди, до сих пор мыслящие категориями государственных границ и сфер влияния, живут в какие-то лохматые времена, сохранив сознание людей прошлого. И сейчас они воюют за то, чтобы продлить жизнь этого прошлого. Что касается Израиля, то надо прямо сказать, что главный герой – еврей, но человек русской и мировой культуры, и, защищая Украину, он защищает мир, человечество.

Помимо Булгакова в начале книги я обратила внимание, конечно, и на другие отсылки к русской классической литературе. Забавно читать про «товарища Хасана в больших сапогах, в телогрейке овчиной». Сегодня некоторые русскоязычные люди и даже авторы отказываются от русского языка, говорят о конце русской культуры. Я такую позицию не разделяю. А Вы?

Я считаю, что конца русской культуры не предвидится. Важно лишь отдавать себе отчет в том, что имеется в виду под русской культурой. Когда-то, в 1984 году, в одном американском университете собрали эмигрантских писателей, чтобы обсудить, какая культура – полноценная культура русского языка: советская или зарубежья. Очень разные люди – от Анатолия Гладилина и Виктора Некрасова и до, например, эпатировавшего всех Лимонова – на эту тему рассуждали. Сегодня вопрос встал вновь, и я внимательно слежу за его развитием в России и за ее пределами.

Должен сказать, что наследие русской культуры, с учетом советского периода, настолько мощно, что даже назначение Мединского главой Союза писателей и съемки кошмарных псевдодокументальных лент и сериалов русскую культуру не уничтожат, она слишком сильна. Что же касается русской культуры, действующей бесцензурно, то она географическую Россию покинула, переехав в иную, свободную Россию, не имеющую государственных границ. Эта культура еще более жизнесвободна.

Существует ложное и манипулятивное мнение, что художник якобы не может жить и успешно творить вне страны своего рождения. Это чепуха. Достаточно вспомнить Набокова, Бунина и множество блистательных поэтов, писателей, философов, музыкантов, чтобы убедиться в обратном. Кстати, некоторые из них возвращались в Россию, когда ситуация там менялась. Помните, у Окуджавы: «Когда пройдет нужда за жизнь свою бояться,/Тогда мои друзья с прогулки возвратятся, / И расцветет Москва от погребов до крыш./Тогда опустеет Париж...» Так было не раз и, я думаю, произойдет снова.

В Вашей книге прослеживается противостояние между стремлением к свободе и стремлением к власти. Но ведь получается, что и борцы за свободу в итоге жаждут власти, с последующим ее использованием «во благо» – в их его понимании.

Наверно, что-то у меня не получилось. Я хотел как раз показать, что люди, борющиеся за свободу, выступают не против власти вообще, а против государственной власти. «Власть» – понятие многогранное. В английском языке это может быть *power*, то есть сила, мощь и так далее, а может быть *authority,* когда речь идет о бюрократической, чиновничьей власти, которая вышла уже за все мыслимые пределы. Так что борцы за свободу протестуют не против силы как таковой, без которой ничего невозможно сделать, а против государственного авторитаризма.

Еще одна из если не сюжетных, то философских линий Вашей книги касается религии. А ведь религия – тоже форма власти, догма, требующая повиновения. Вы выросли в СССР, где религия была запрещена. Как, как давно Вы пришли к ней?

С Вашего позволения я бы заменил слова «религия» на слово «вера». К вере я пришел давно, а к религии, как к набору институтов у меня есть вопросы.

Некоторые фрагменты Вашей книги трудно читать без слез, особенно человеку, имеющему детей, особенно сыновей. Вот Вы пишете, обращаясь к сыну: «Если с тобой что-то случится, мы с мамой погибнем». К огромному сожалению, случилось. Но вы живы. Что помогает Вам и Вашей жене продолжать жить?

Знаете, совершенно невозможно объяснить, что ты переживаешь, когда вдруг получаешь сообщение, что твой сын и его друзья погибли. Но дело в том, что они до сих пор, то есть уже более двух лет, числятся в пропавших без вести, и все попытки

разобраться с военными – а этим сейчас активно занимаются американцы, поскольку в группе был чудесный американский парень – наталкиваются на невозможность получить информацию, по причине секретности операции. При этом и точку ставить, то есть считать их убитыми, они отказываются.

С чем это связано, никто не говорит ни нам, ни представителям израильского посольства, ни американцам. Но из-за этого не умирает надежда.

С другой стороны, неизвестность и необъясненность невыносимы. Наступает момент, когда ты действительно ощущаешь себя умершим, если не физически, то личностно. Тебя просто больше нет. Но ты продолжаешь действовать: куда-то ходить, ездить, наводить справки, пытаться что-то выяснить. В ответ все тоже что-то делают – говорят с тобой, дают какие-то бумажки. И вдруг к тебе возвращается сила, к тебе приходит понимание, что ты ОБЯЗАН это написать.

Писать «это» невыносимо тяжело, невыносимо описывать эмоции. А что касается размышлений, то ты думаешь приблизительно так. Вот есть ребята. Они пошли туда не за деньги – разговоры про наемников просто чушь. Они пошли туда, чтобы защитить мир от угрозы. И они достойны того, чтобы живущие в мире люди об этом узнали. Поэтому ты справляешься со всеми переживаемыми в процессе работы ужасами и доводишь ее до конца. Не могу сказать, что это дает большое облегчение, но дает осознание того, что ты выполнил часть долга. Книга есть на Amazon и других площадках, она неплохо продается. А значит, люди узнают.

Дмитрий Петров-младший. Фото из архива Дмитрия Петрова

Вы не можете не понимать, что многие россияне считают вашего сына предателем. Каков Ваш ответ? Вопрос важный. У людей, для кого свобода – идея, практика и образ жизни, всегда есть враги. Те, кто навязывает несвободу. И те, кто им подчиняется. Для многих враг – любой, кто покинул РФ, следуя совести. И тот, кто остался, но против войны и созданной там системы. Философ Александр Пятигорский говорил мне: «Не люди такие, какое время. А время такое, какие люди». Когда разные группы людей видят в других врагов, значит, они сеют вражду. Но важно помнить – у тех же людей есть товарищи, единомышленники и братья.

В книге есть очень сильная фраза о том, что мученики не умирают. Сейчас, уже с определенного расстояния, зная все обстоятельства и видя, как развивается ситуация, считаете ли Вы, что жертва Вашего сына оправдана?

Во-первых, не факт, что Путин победит, хоть я и понимаю это ощущение, ведь у всех людей разные картины мира. В одной картине его победа вполне возможна, а в другой – нет. Мне же важно сказать следующее. Я никого не призываю брать оружие и идти воевать, поскольку сам этого сделать не могу – возраст и здоровье не позволяют. Через всю эту книгу я постарался пронести мысль о том, что вот люди чествуют героев, независимо от того, живы ли они, погибли или пропали без вести. Но очень мало кто думает о том, что у героев есть родители. И сами герои об этом порой забывают. А ведь речь идет уже о сотнях тысячах людей, точно знающих, что их дети погибли. Мне страшно за этих людей, ведь не все они могут получить нужную помощь, как, например, мы в Израиле, где это направление медицины по понятным причинам очень развито.

Я хочу, чтобы молодые люди, добровольно, следуя идее свободы берущие в руки оружие, помнили, что у них есть мамы, папы, бабушки и дедушки. При этом, когда я вижу, что эти ребята – не искатели приключений, а цельные, серьезные люди, идущие выполнять то, что считают своим долгом, то отговаривать их я тоже не могу. Но да, родителям не нужны герои, им нужны их дети. И не стоит думать, смотря новости по телевизору или в телефоне, что это кино нас не касается. Это не чужое кино.

Ваша молитва отца о сыне в конце книги разрывает читателю сердце. Каждый родитель услышит и пропустит через себя рассуждение о том, можно ли считать трусостью желание оградить и уберечь от опасности своего ребенка. Что можем сделать мы, родители, чтобы не хоронить своих детей?

Повторю одну недавно услышанную мысль. Один очень известный педагог, философ, отец девяти детей сказал мне, основываясь на собственном опыте, что когда мы хотим вести себя как настоящие родители и действительно воспитывать своих детей Людьми, то единственное, что мы можем сделать, это научить их самоопределению, пониманию их места в мире.

Если нам это удалось, то мы можем считать, что победили. Но именно с этого момента мы должны понять и принять, что поделать со своими детьми не сможем уже ничего. Единственное, что мы можем им сказать, когда они соберутся куда-то идти, это «А ты шапку надел?»

От редакции: Думаем, никаких заключений не требуется. Давайте просто послушаем Булата Окуджаву.

современная русская литература
война в Украине

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/dmitriy-petrov-u-geroev-tozhe-est-roditeli*